

Он чует замысел дурной.
«Я сам на это их подначил,
Но и король давно все начал:
Уже к отъезду из Немура,
Поняв, что это за натура
И что нет дам ее прелестней,

1080

Позволил вольным быть себе с ней.
Жди я, что так он поведет
Себя, – немедля б запер вход:
Кто хочет, ходит взад-вперед
Теперь – и кто еще придет?
Вон, как ко всем она радушна
И напоказ – нам не послушна.
Чтоб увести, ей лгут безбожно!
Быть пастухом ей невозможно,
Поскольку тот пастух негож,

1090

Кто плох к себе, к другим хорош.
Как – увести! Сказать легко:
Король едва ли далеко
Зашел, ей пожимая руку.
Увы! родился я на муку!
Коль плохо нес я оборону
При ней, то и поднять колонну
Не мог бы пред Святым Петром ⁷⁴,
И повалить Пюи-де-Дом ⁷⁵,
Коль тщетны все мои потуги

1100

С девчонкой сладить. Без супруги
Жить лучше, чем, что ты учтив
И юн, из-за нее забыв.
Клянусь, сменять добро на зло
Меня безумье увлекло.
А королева, предсказав
Мне ревность, злейшей из отрав
Дала – пророчица, исчадь
Злых сил – не дав противоядья!
Из бывших прежде ни с одним

1110

⁷⁴ Речь идет об обелиске, привезенном по приказу Калигулы из Гелиополиса в Рим, на арену большого цирка, и впоследствии перемещенном к собору Святого Петра. Следовательно в то время, когда сочинялась «Фламенка», он лежал на земле. (Колонна была поставлена на площади перед собором в 1586 г.)

⁷⁵ Вершина в горной цепи с тем же названием, расположенной в сев. Оверни. В сходном контексте Пюи-де-Дом упоминается у Арнаута Даниэля (см. примеч. 90).